

Яньгу молчал. В воцарившейся тишине стоявших на коленях призраков охватило гнетущее беспокойство. Люцзин не знал, согласится ли владыка на его безумное предложение. Самому ему вовсе не хотелось связывать себя узами брака с Вэй Чжиюэ, но долг перед Цзюцином требовал платы. И если спасти девушку можно лишь этой нелепой уловкой — что ж, пусть будет так.

Яньгу, разумеется, прекрасно понимал чужие помыслы. Призраки склонились перед ним в земном поклоне с единственной надеждой — вырвать согласие. Но разве мог правитель уступить? А если отказать... как тогда смотреть в глаза Люцзину?

Се Биань уловил нерешительность господина. Заметив, как помрачнел правитель, он решил вмешаться и разрядить обстановку.

— Владыка, у вашего слуги есть предложение, — нарушило тишину Белое Непостоянство.

Голос Яньгу прозвучал резко и сухо:

— Говори.

— Матушка Мэн на днях жаловалась, что ей не хватает помощницы у котла, — мягко произнёс Се Биань. — Почему бы не отправить Чжиюэ к ней? Пусть помогает варить Суп забвения.

Правитель мгновенно ухватился за эту мысль. Сделав глубокий вдох, он справился с волнением и уже спокойнее произнёс:

— Поднимитесь. Быть по сему: как предложило Белое Непостоянство, Вэй Чжиюэ поступает в распоряжение Матушки Мэн.

Услышав это, Люцзин наконец перевёл дух. Пусть всё разрешилось совсем не так, как он планировал, лучшего исхода и представить было нельзя.

— Благодарим за милость, владыка! — хором отозвались просители.

Встав, Люцзин улыбнулся и обернулся к Цзюцину. Тот бережно придерживал Чжиюэ под локоть. Надо же, как быстро он освоился в роли заботливого отца.

— Вэй Чжиюэ, я извещу Матушку Мэн, — проговорил Яньгу, возвращаясь к бумагам. — К службе приступишь завтра, она сама введёт тебя в курс дела. А теперь свободны.

— Премного благодарны, повелитель, — вновь поклонились Цзюцин и его дочь.

Два господина Непостоянства, сославшись на недосуг, первыми покинули залу. Цзюцин заговорщицки подмигнул Люцзину и увёл Чжиюэ за собой.

В просторной Палате Яньло мгновенно стало безлюдно. Ещё минуту назад здесь кипела жизнь, а теперь остались лишь двое. Люцзин нерешительно застыл посреди залы, то и дело искоса поглядывая на господина. Тот упорно молчал, демонстративно перекладывая свитки на столе. Молчание затягивалось, становясь невыносимо неловким.

Люцзину и самому было не по себе. Шутка ли — ни один судья в истории Подземного царства прежде не осмеливался так нагло перечить правителю, да ещё и требовать брачного указа ради личной прихоти.

«Наверняка Яньгу злится на мою дерзость, — уныло размышлял Люцзин. — Девушке полагалось безропотно уйти на перерождение, а я вмешался в предначертанный порядок вещей и устроил этот балаган только ради того, чтобы вернуть долг».

— У господина судьи остались ко мне вопросы? — нарушил тишину Яньгу. Как и следовало ожидать, его голос был холодным.

Позабыв о неловкости, Люцзин тут же расплылся в самой обезоруживающей улыбке и придвинулся ближе к судейскому столу:

— Владыка, ну посудите сами, такое событие! Цзюцин наконец обрёл дочь, разве не чудо? Давайте отпразднуем, я угощаю!

Яньгу отложил кисть и медленно поднял взгляд. Люцзин посмотрел на него — равнодушно, не выражая ни гнева, ни радости.

— Боюсь, это будет лишним. Зачем мне мешать вашему уединению с девицей Вэй?

— Да что вы, владыка! Никакой помехи! — торопливо замахал руками Люцзин. — В конце концов, у нас ещё вся жизнь впереди, времени навалом...

Он осёкся на полуслове. Язык мой — враг мой! И дернуло же его ляпнуть такое!

Яньгу иронично приподнял бровь. Слово было сказано, и вернуть его назад уже не представлялось возможным.

— «Вся жизнь впереди»? — с тонкой усмешкой повторил правитель. — Что ж, весьма в вашем духе, молодой господин Люцзин.

«В каком ещё духе?! — мысленно взвыл Люцзин, лихорадочно соображая, как загладить

оплошность. — О чём он вообще подумал?!»

— Владыка, вы меня превратно поняли! Я имел в виду... то есть, нам ведь предстоит работать бок о бок ещё очень долго. Надо укреплять товарищеские связи! Такой прекрасный повод, позвольте мне выразить своё почтение и загладить вину.

Яньгу демонстративно отвернулся, пресекая все попытки оправдаться:

— Не смею утруждать господина судью. И уж тем более не желаю мозолить вам глаза.

Неужто упёрся намертво?

— И даже ради приличия не заглянете?

— Нет.

Люцзин вздохнул. Что ж, насильно мил не будешь.

— В таком случае разрешите откланяться.

Цзюцин наверняка его уже заждался.

Когда за судьёй закрылись двери, он так и не узнал, что тёмный, тоскливый взгляд ещё долго провожал его уходящую тень. В опустевшей безмолвной Палате Яньло раздался тихий, полный печали вздох.

Снаружи, у самого края величественной лестницы, дрожали редкие отсветы призрачного сияния. Цзюцин терпеливо ждал, поддерживая бледную Чжиюэ. Окутанная сизыми клубами тумана, её хрупкая фигура казалась почти невесомой — вылитая небожительница, заблудившаяся среди облаков. Люцзину, впрочем, было не до эстетических восторгов.

Поспешив к друзьям, он негромко скомандовал:

— Цзюцин, води дочь в нашу хижину. А я заверну в лавку благовоний, нужно раздобыть ритуальных свечей и курительных палочек.

Цзюцин послушно кивнул и увлёк девушку за собой, но та робко высвободила локоть и тихо позвала:

— Господин судья...

Люцзин остановился. Он обернулся и с мягким любопытством посмотрел на неё:

— Что такое, Чжиюэ?

Он произнёс это имя на удивление легко, словно они были знакомы много лет. Возможно, дело было в Цзюцине, а может, его тронула её безвременная и трагическая кончина — хрупкая гостья вызвала у него искреннее сострадание. И лишь мгновение спустя судья сообразил, что называть незамужнюю девушку просто по имени при первой встрече едва ли прилично.

Чжиюэ густо покраснела и опустила взгляд:

— Спасибо вам... за то, что заступились в зале суда.

«Тоже мне, заступник, — мысленно хмыкнул Люцзин. — Скорее уж дров наломал».

— Пустяки, — отмахнулся он с неловким смешком. — Благодарить стоит Се Бианя. Но ты не переживай. Мы с твоим отцом водим с ним давнюю дружбу. Так что устраивайся поудобнее, всё обойдётся.

— Вот именно, дочка, теперь у тебя есть отец, — подхватил Цзюцин, бережно приобнимая её за плечи. — Пойдём. Твой дух ещё слишком слаб, тебе нужно отдохнуть.

Чжиюэ почтительно поклонилась Люцзину на прощание и покорно последовала за отцом.

Глядя вслед её удаляющемуся изящному силуэту, Люцзин невольно подумал о матери девушки: «Надо же, Синьби воспитала чудесную дочь. Настоящая благородная барышня».

Распрощавшись с ними, Люцзин со всех ног бросился к лавке ритуальных товаров. Из-за изнурительной болезни, утащившей Чжиюэ в могилу, её призрачная суть едва теплилась. Сам Люцзин ещё не умел исцелять души призрачной силой, а вновь беспокоить Яньгу после недавней сцены не смел. Оставалось лишь уповать на очищающий дым благовоний — продержаться бы до возвращения Се Бианя, а там Белое Непостоянство что-нибудь придумает.

Дорога туда и обратно заняла от силы четверть часа. Хотя Люцзин так и не постиг тонкостей целительской магии мёртвых, собственными силами он распоряжался весьма ловко, что позволяло ему беспрепятственно перемещаться по самым потаённым уголкам Подземного царства.

Цзюцин уложил дочь в своей спальне. Их скромное жилище состояло всего из одной жилой комнаты и небольшого прихожего зала, где ютился Люцзин. Теперь, с появлением Чжиюэ,

вопрос с жильём вставал ребром, но сейчас об этом думать было рано.

Перво-наперво следовало укрепить её угасающий дух. И хотя Подземное царство исходило густой энергией Инь, не давая призракам бесследно растаять, Чжиюэ мучилась от слабости. Люцзин сотворил несложное заклинание, зажигая принесённые свечи и палочки, и расставил их у постели больной. Сладковатый дым окутал ложе, и судья наконец облегчённо выдохнул.

Для мёртвых аромат ритуального дыма — всё равно что горячая похлёбка для живых: стоит причаститься, как увядающие силы возвращаются. И верно, не прошло и четверти часа, как полупрозрачный силуэт Чжиюэ обрёл чёткость. Опершись локтем о край деревянного стола, она со слабой улыбкой посмотрела на отца:

— Прежде мне казалось, что Подземное царство — это лишь вечный мрак, сырость да могильный холод. Кто бы мог подумать, что здесь всё почти как у людей: и высокие терема, и мягкий, сонный туман над мостовыми.

Цзюцин мягко рассмеялся:

— Я и сам поначалу диву давался. Но прожив тут двадцать лет, понял: здешний покой порой куда милосерднее земной суеты.

Люцзин про себя лишь хмыкнул. Кому-кому, а уж точно не Цзюцину рассуждать о былом удивлении — за два десятилетия воспоминания о мире смертных стёрлись из его памяти без следа. Но мешать воссоединению семьи не хотелось: отцу и дочери сейчас жизненно важно было поговорить наедине.

— Как же ты жил здесь все эти годы, отец? — тихо спросила Чжиюэ.

От этого простого, полного нежности вопроса у Цзюцина едва не брызнули слёзы.

— Хорошо, — прошептал он, заворожённо глядя на неё. — Всё было хорошо.

Люцзин понял, что третий здесь явно лишний.

— Цзюцин, — негромко подал он голос, — за спасение твоей дочери нужно как следует отблагодарить господ Непостоянства. Схожу-ка я в трактир «Истинный аромат трупа» да закажу сытный ужин на вечер.

— К чему такие траты? — смутился Цзюцин. — Ты и так для нас столько сделал. Давай я сам позже схожу.

Люцзин укоризненно покачал головой:

— Брось свои церемонии. Сиди дома и не отходи от Чжиюэ, а я быстро.

С этими словами он выскользнул за порог, аккуратно прикрыл за собой дверь и поспешил к торговым рядам.

Хозяин трактира «Истинный аромат трупа» немало удивился, вновь увидев почтенного судью на пороге своего заведения всего через полчаса после ухода.

— Господин судья, никак у вас праздник намечается, раз пир горой заказываете? — с любопытством осведомился трактирщик.

Люцзин так и сиял, не в силах сдержать ликования.

— Да какие праздники! — заговорщицки подмигнул он. — Просто у меня, считай, дочка появилась.

— Что?! — вылупился на него хозяин, будто живого человека увидал. — У господина судьи родилась дочь?!

Его зычный голос эхом разнёсся по зале. Сидевшие за столами завсегда и тут же наострили уши и гурьбой повалили к стойке, наперебой выкрикивая вопросы:

— Господин судья, ну вы и шустрый! Всего полгода как в наших краях, а уже обзавелись преемницей?

— И кто же та счастливица, что удостоилась вашего внимания?

— Вот это скрытность! Мы-то думали, вы только с Цзюцином якшаетесь, а вы, оказывается, тайком барышню прятали!

В воздухе повисла зловещая тишина. Призраков посетило коллективное озарение, переросшее в глубокое подозрение.

— Постойте! — выкрикнул кто-то из толпы. — Неужто у мужеложцев теперь тоже дети рождаются?!

Люцзин мысленно схватился за голову. Ну и фантазия у здешней публики!

— Да замолчите вы! — прикрикнул он, багровея. — Какая барышня? Я женского силуэта сто лет не видывал! С чего вы взяли, что это мой ребёнок?

— Как это с чего? — недовольно буркнул старый упырь у окна. — Сам ведь жаловался, что тебе невест подсовывают, а ты нос воротишь, мол, страшны как смертный грех.

Хоть доля правды в его словах и была, Люцзину от этого легче не стало. Он смерил говоруна ледяным взглядом, красноречиво сулящим внеочередную проверку Книги Судеб.

— Дочь появилась не у меня, а у Цзюцина, — раздельно произнёс он. — Бедная девочка скончалась в мире живых, и её дух прибыл в Палату Яньло. Полчаса назад они наконец воссоединились.

— Ну, слава богам, — с облегчением выдохнул прежний шутник. — А то я уж испугался, что у мужеложцев утроба разверзлась. Конец бы тогда привычному порядку вещей.

«Дался же им этот грех!» — простонал про себя Люцзин, но вслух объявил:

— Ладно, будет вам пустословить. Гуляйте, сегодня я добрый! В честь такого радостного события ужин для всех присутствующих — за мой счёт!

Кабак так и взорвался восторженным гулом:

— Да здравствует щедрый судья! — завопили призраки и мигом разбрелись по своим местам, требуя добавки.

— Вечером вернусь, накрывай стол на четверых, — бросил Люцзин трактирщику.

Тот, бережно пряча звенящую монету в ларец, расплылся в подобострастной улыбке:

— Всё исполним в лучшем виде, господин судья! Доброго пути!

Выйдя на прохладный воздух, Люцзин уныло звякнул сиротливо опустевшим кошельком. Поистине щедрый жест подчистил все его скромные сбережения до последнего медяка. Ну вот за какие грехи: дочь обрёл Цзюцин, а по миру идёт он?

К ночи туман сгустился, превратив окрестности в призрачный лабиринт. На пыльном тракте, ведущем от трактира к их хижине, не осталось никого, кроме редких покачивающихся пьяниц. Люцзин и Цзюцин шли бок о бок, освещаемые лишь тусклыми фонарями, и молчали.

Здесь край не славился красотами. Серая мгла, вечные сумерки да багровые всполохи цветов по берегам реки Забвения — вот и всё убранство. Если не считать изысканного Терема

Лунного Сияния, всё Подземное царство казалось унылым скопищем острых скал и кривых дорог, где без верного фонаря немудрено было расшибить лоб о случайный валун.

Светляков тут тоже не водилось, однако по ночам, стоило подняться лёгкому дуновению, в воздухе начинали кружиться мириады крошечных светящихся искр. Люцзин как-то раз попытался поймать одну такую звёздочку, но едва она коснулась его ладони, как бесследно растаяла, оставив лишь мимолётное ощущение прохлады.

— Люцзин... — тихо позвал попутчик.

Судья повернул к нему голову:

— М?

Цзюцин опустил взгляд, его длинные ресницы бросили глубокие тени на бледное лицо.

— Мне показалось, или Се Биань за ужином был сам не свой?

Надо же, и он приметил. Ещё в трактире, когда завязался разговор и Цзюцин принялся расточать благодарности за спасение дочери, Белое Непостоянство одарило Люцзина весьма красноречивым взглядом. Се Биань смолчал, но его вид не сулил ничего хорошего.

— И Се Биань, и Фань Уцзю верно служат владыке Яньгу, — со вздохом ответил Люцзин, пытаясь успокоить и себя, и друга. — Сегодня они пошли против воли хозяина лишь ради нашей дружбы. Думаю, старина Седьмой просто переживает, что моя дерзость выйдет мне боком.

— Знаешь... до сих пор поверить не могу, что у меня есть дочь, — признался Цзюцин.

Люцзин едва удержался от смешка. Надо же! Весь кабак за его счёт упился, слухи о новоявленной наследнице облетели каждый угол Подземного царства, а новоиспечённый отец только сейчас начал осознавать случившееся.

— Понимаю, — серьёзно кивнул судья. — Свалились бы на мою голову внезапно такие заботы, да ещё в облике столь прелестной девицы, я бы тоже до сих пор в себя приходил.

Цзюцин грустно улыбнулся:

— Чжюэ... она до безумия похожа на Синь. Когда я смотрю на неё, бывшее оживает перед глазами. Да и Книга Жизни и Смерти лгать не станет.

Люцзин замер на месте. Цзюцин по инерции сделал ещё пару шагов, прежде чем заметил, что остался один. Он обернулся, недоумевающе глядя на застывшего друга. В тусклом сиянии фонарей, окружённые роем мерцающих искр и волнами тумана, их силуэты казались размытыми, зыбкими полутенями.

Люцзин посмотрел ему прямо в глаза — строго и почти безжалостно:

— Цзюцин, неужели за годы ожидания ты совсем лишился памяти? Ты мёртв уже двадцать лет. Если Синь всё ещё жива в мире смертных, она давно превратилась в увядающую женщину средних лет. Та, что стоит перед тобой сегодня, не твоя возлюбленная. Она твоя дочь.

Судья слишком хорошо понимал, какая буря бушует в душе друга. Чжияюэ унаследовала черты матери, а сам Цзюцин навсегда остался юношей — время пощадило его лицо, заморозив в вечной двадцатилетней весне. Когда разлука длится десятилетиями, грань между прошлым и настоящим стирается, порождая опасные иллюзии.

Цзюцин опустил голову. Горькая правда уколола сердце, но спорить он не стал:

— Да, ты прав... Пойдём домой.

В его тихом голосе сквозило беспросветное одиночество.

Люцзин едва слышно вздохнул. Сам он знал о любви лишь понаслышке — читал в древних трактатах, но никогда не испытывал её всепоглощающего пламени. Он сочувствовал верности друга, но искренне не понимал, как можно десятилетиями цепляться за призрак ушедшего счастья.

Возможно, дело было в его собственной чистой природе. Судьба даровала ему новую жизнь без груза былых привязанностей, оттого и мир казался ему простым и понятным. Помни он всё, что пережил когда-то, возможно, двадцать лет показались бы ему лишь кратким мигом.

Единственную спальню уступили Чжияюэ, так что Цзюцину пришлось делить ложе с Люцзином. Весь вечер он пролежал отвернувшись к стене, подперев голову ладонью и уставившись в пустоту. Люцзин то и дело просыпался, выплывая из зыбкого забытья, и каждый раз видел перед собой всё тот же застывший силуэт.

Друг так и не сомкнул глаз до самого рассвета.